

Минутные часы

— *П*ицца будет готова через восемь минут! — Донёсся снизу голос папы.

— Хорошо, буду через секунду! — отозвалась Лаура Лилиенштадт.

Тяжело вздохнув, она нехотя вложила серебряную закладку между страничек и захлопнула толстую книжку. Это было старинное издание замечательных русских сказок. Лаура просто обожала эту книгу. Какие в ней чудесные истории! А сколько картинок!

Мама снова начала бы ворчать, что Лаура слишком взрослая, чтобы читать сказки. Всё-таки ей уже тринадцать. Но для Лауры сказки были чем-то вечным, неподвластным времени. Она считала, что их можно читать

и в восемнадцать, и в восемьдесят восемь — разумеется, если ещё позволяет зрение.

В который раз она с наслаждением вдохнула аромат бурой кожи старинного переплёта. Золотистый витиеватый шрифт уже изрядно потёрся и поблёк, но это совершенно не портило впечатления. Книга была прекрасна. Во всяком случае, в глазах Лауры.

Положив сказки рядом с собой на диван, она провела ладонью по красному бархату. До чего же он мягкий. Папа сказал, что этот диван не просто диван, а оттоманка. У оттоманок, как он пояснил, совершенно другие, особенные формы. У этой оттоманки, например, была косая спинка и округлые подлокотники.

Лаура очень гордилась отцом. Ведь он создаёт такие сокровища! Правда, в основном он ремонтировал или, точнее сказать, реставрировал старинную мебель. Это, конечно, тоже настоящее искусство. Ведь чтобы мебель выглядела совсем как раньше, необходимо подобрать подходящее дерево, найти похожую ткань. И, конечно, никаких новых гвоздей или шурупов, если что-то расшаталось. Только старинные, антикварные.

— Ещё четыре минуты!

— Дааа!

Взгляд Лауры медленно блуждал по комнате. Именно здесь, в этой огромной восьмиугольной комнате, расположенной в башне её любимого старого дома, ей было уютнее всего. Жаль, что теперь они с мамой живут в другом месте, а к папе она приезжает лишь на выходные и каникулы.

Через большие окна в форме античных арок, глядящие точно на север, юг, восток и запад, перед Лаурой открывалась сказочная панорама. Настолько сказочная, что порой она ощущала себя в этой башенке настоящей принцессой — хотя, наверное, для таких фантазий она и в самом деле уже слишком взрослая. Но девочка ничего не могла с собой поделать — среди изящных антикварных вещей, которыми папа наполнил эту комнату, просто невозможно было не мечтать.

Особенно выделялся среди всех этих вещей старинный письменный стол. Папа недавно отреставрировал его и с большим трудом затащил по крутой лестнице наверх в башню. Стол был настолько тяжёлым и громоздким, что папе понадобился специальный подъёмник и помощь двух человек.

Вообще-то это был не просто стол, а секретер. И ему было целых сто пятьдесят лет! В нём было много выдвижных ящичков и от-

кидных досочек. И это Лауре нравилось больше всего, ведь в них так удобно прятать свои маленькие сокровища. Например, ракушки, которые она привезла из поездки на каникулах, или нежные письма, которые писали её прадедушка и прабабушка друг другу во время Второй мировой войны.

Мама не понимала Лауру. Для неё все эти вещи были чем-то бесполезным и, главное, занимающим много места. Она частенько издевалась, предрекая Лауре судьбу старьёвщика, если та не прекратит собирать и хранить весь этот хлам.

В комнате Лауры совсем не было книг. Только планшет для чтения электронных книг. Он не занимал много места, а это мама ценила в вещах больше всего. И если бы мама нашла у Лауры эти старые письма, она бы их тут же выкинула. А письма были такими трогательными. Начинались они часто вот так:

«Мой милый Хайнц, как же мне хочется верить, что ты жив и здоров. Я каждый вечер молюсь о тебе...»

А прадедушка отвечал:

«Моя маленькая Хельга, одна лишь мысль о тебе придаёт мне сил! И пока ты в моём сердце, я могу выдержать даже самое страшное...»

Лауре вдруг очень захотелось достать эти письма и перечитать. Прямо сейчас! Прежде чем они с папой усядутся за стол, после чего ей сразу надо будет возвращаться домой, к маме. Она решительно подошла к секретеру, открыла позолоченным ключом откидную крышку и окинула взглядом многочисленные ящички, скрывавшиеся за ней. И тут её внимание привлекло тёмное пятно на гладком полированном дереве. Оно выглядело как замочная скважина. И как она его раньше не замечала?

Лаура протянула руку, и её указательный палец коснулся пятнышка. О! Оно поддаётся! Это кнопка?

Лаура нажала посильнее. В самом деле! Ей удалось вдавить эту замочную скважину внутрь. И тотчас же в недрах секретера слышалось дребезжание, словно заработали старинные часы.

Лаура не верила своим глазам. Несколько отделений сдвинулись вправо. И в образовавшемся отверстии возник ещё один маленький ящик. Он словно выполз откуда-то снизу.

— Нет, не может быть! — воскликнула Лаура.

Тайник! Дрожащими пальцами она потянула за ручку появившегося ящичка.

Внутри лежал маленький бархатный мешочек, перевязанный чёрной шёлковой лентой. Сердце Лауры почти выпрыгивало из груди от волнения. Дрожащими руками она осторожно дотронулась до мешочка, и через мягкий бархат её пальцы почувствовали что-то твёрдое. Внутри что-то есть!

С едва сдерживаемым нетерпением она развязала ленточку и засунула руку в мешочек. Сначала её пальцы наткнулись на свёрнутую бумагу. Потом они нащупали тяжёлую цепочку и что-то прохладное и гладкое. Она медленно, как во сне, вынула руку и уставилась на лежащий у неё на ладони загадочный золотой предмет. У него было восемь углов, и висел он на такой же золотой цепочке.

Карманные часы!

Лаура уловила равномерное тиканье. С едва сдерживаемым любопытством она осмотрела часы и обнаружила, что крышечка открывается. Щёлк, и перед ней открылись сами часы...

Искусный циферблат с римскими числами мерцал серебром, и на его фоне завораживающе поблёскивали часовая, минутная и секундная стрелки — золотистые, вычурные, с завитушками. Секундная стрелка медленно

двигалась по кругу. На большом циферблате Лаура увидела ещё один, совсем маленький циферблат. Но все его стрелки были неподвижны.

На внутренней стороне крышечки она обнаружила изящную гравировку: CARPE DIEM. *Кáрпэ дйэм! Лови день!* Папа когда-то рассказал ей, что означает это выражение. А именно — что надо жить здесь и сейчас, надо обеими руками хвататься за любой шанс, который тебе дарит жизнь, и непременно использовать его. Ведь любая жизнь рано или поздно заканчивается.

Под гравировкой Лаура увидела лежащую восьмёрку. Знак бесконечности.

Вот так находка!

Лаура обожала восьмёрки. Она родилась восьмого числа восьмого месяца, то есть восьмого августа. И, по иронии судьбы, ещё и в восемь часов восемь минут. Она как-то спросила маму, не подправила ли акушерка цифры забавы ради. Но мама поклялась, что всё записано правильно. Что так оно и было. До минуты!

— Пицца готова! Спускайся немедленно! Я жду! — Папин голос звучал уже гораздо громче и настойчивее.

— Да, сейчас!

Замок Вечности

Лаура захлопнула крышку и убрала часы обратно в мешочек. Потом развернула сложенную бумажку и обомлела. С листка на неё смотрели выведенные тёмными чернилами загадочные строки.

Разгадай тайну вечного календаря

Дано тебе не семь, а восемь дней.

Вот ключ от силы всеобъемлющей твоей.

В подаренные несколько часов

Откроешь ты от сотни тайн засов,

И многое увидишь ты иначе.

К добру иль не к добру — тебе решать задачу.

Будь с даром этим осторожен,

С умом ты вынимай кинжал из ножен...

А главное, чтоб не разбилось счастье,

Ты тайну никому не выдавай в веселье иль в ненастье...

Что это? Что такое, чёрт возьми, этот вечный календарь? И при чём тут восьмой день? Голова у неё пошла кругом.

— Лаура! — Папа, обычно такой терпеливый, был по-настоящему раздражён.

— Да иду уже.

Лаура спешно свернула листок, затолкала его обратно и опустила мешочек в свой рюкзак. А потом сломя голову сбежала с крутой

лестницы на кухню, где папа уже накрыл на стол.

— Ну наконец!

Папа вынул из духовки противень, от которого поднимался ароматный пар.

— Опять не могла оторваться от книги, я угадал?

— Верно! — соврала Лаура и уселась за стол.

Честно говоря, ей очень хотелось рассказать папе о своей находке, но в голове всё ещё звучала последняя фраза стихотворения:

*А главное, чтоб не разбилось счастье,
Ты тайну никому не выдавай...*

Поэтому она промолчала, хотя обычно говорила с папой обо всём на свете. Например, о школе, о маме или даже об Элиасе, младшем братике, который часто действовал ей на нервы.

По комнате плыл чарующий аромат помидоров, лука и сыра. У Лауры потекли слюнки. Папа таки готовит лучшую пиццу в мире!

Они разделили пиццу на две равные половинки, и у Лауры на тарелке оказалась большая порция. На самом деле даже слишком

большая. Но когда тебя целую неделю держат на строгой диете, можно же хоть иногда по-настоящему оторваться...

— Как вкусно! — похвалила Лаура, жадно, с наслаждением откусив первый кусок. При этом она чуть не обожгла рот.

Папа покраснел от удовольствия и улыбнулся. Красавцем его назвать было сложно. Круглое лицо, обрамлённое реденькими волосами, часто спрятанными под кепкой, большой нос картошкой и румяные щёки. Отрасти он бороду погуще, он был бы похож на гнома из сказки. Хотя коротышкой он не был. Наоборот, его метр восемьдесят шесть выглядели очень даже внушительно.

Раньше Лаура невероятно гордилась папой. Он был таким сильным! Он мог спокойно поднять самый тяжёлый шкаф. А как часто он подбрасывал в воздух саму Лауру, особенно пока она была маленькая.

— Лети, мой ангелочек, лети! — звонко приговаривал он, радостно подкидывая её ввысь.

И маленькая Лаура тогда на самом деле верила, что улетит в самые небеса. Сейчас, вспоминая об этом, она даже тихо посмеивалась над собой.

— О чём ты думаешь? — спросил папа.

— Я думала о том, как было раньше, — ответила Лаура, прожевав кусок пиццы. — О том, как ты меня подкидывал в воздух. И какой замечательный домик ты мне построил в саду. И как часто мы были вместе...

Стоило ей сказать это вслух, как она с болью почувствовала, как давно всё это было. То время осталось далеко позади... Время, когда они были настоящей семьёй. Когда Лаура жила с обоими родителями и маленьким братиком на этой старой прекрасной вилле с восьмиугольной башней.

— О! Ну тогда ты, наверное, уже не помнишь, как я действовал вам на нервы! — папа аж фыркнул от внезапно разобравшего его смеха.

Когда он смеялся, рот его широко растягивался, обнажая белые сверкающие зубы. И возникало ощущение, будто смеются не только губы, а всё лицо: особенно озорные голубые глаза, вокруг которых собирались весёлые морщинки.

Его смех был настолько заразительным, что все печальные мысли, как по мановению волшебной палочки, тут же исчезли из Лауриной головы. Папа словно прогнал их волшебным смехом, как солнце прогоняет ночную тьму. И, глядя в его смеющиеся голубые гла-